

Григорий Часовских*

«МОРАЛЬНОСТЬ» БИОЛОГИИ ПОВЕДЕНИЯ**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Р. САПОЛЬСКИ О БИОЛОГИИ ДОБРА И ЗЛА

Сапольски Р. Биология добра и зла : как наука объясняет наши поступки / пер. с англ. Ю. Аволиной, Е. Наймарка. — М. : Альпина нон-фикшн, 2019.

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-1-210-219.

Чаще всего рецензии начинаются с отметки об исключительной новизне представленной книги, однако это не тот случай. Рынок научно-популярной литературы прямо или косвенно затрагивающей тему биологии нашего поведения активно растет. На русскоязычном рынке имеются не только качественные оперативно представляемые переводы бестселлеров, но и свои самородки с более чем достаточной компетенцией и неуступающей харизмой. Хороший спрос и достойная конкуренция формируют задачу рецензии: чем очередная книга лучше других подобных? Научно-популярный формат ставит автору дополнительную проблему: избежать примитивизации с одной стороны, и сохранить доступность для неподготовленного читателя с другой. В академической среде распространено мнение, что это вообще невозможно. В книге «Биология добра и зла: как наука объясняет наши поступки» Роберт Сапольски (Сапольски, Аболина и Наймарк, 2019) пытается это оспорить.

Какой компетенцией должен обладать человек, собирающийся написать книгу по нейроэтике? Сапольски — нейроэндокринолог, приматолог, профессор биологии, неврологии и нейрохирургии в Стенфордском университете, действительно обладает внушительными знаниями о том, как работает наш мозг во всех его мельчайших подробностях. Его теоретические знания дополнены ценным опытом — многолетним полевым наблюдением за павианами в Кении, где он прежде всего исследовал, влияние нейромедиаторов на поведение бабуинов. Наблюдения Сапольски за

*Часовских Григорий Александрович, преподаватель, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Пирогова (Москва), 19suby@gmail.com.

**© Часовских, Г. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

приматами дополненные своими впечатлениями проживания среди людей знакомы российскому читателю по «Запискам приматов». Автор не понаслышке знаком с такими явлениями как конфликт культур, колониальная политика, специфические традиции коренных африканских народов, искусственная демаркация людей на «своих» и «чужих», склонности людей к просоциальному поведению и взаимопомощи и даже кровавые революции. Весь этот разносторонний опыт находит свое положительное отражение в тексте.

Вообще социальная организация приматов и их индивидуальное и групповое поведение сами по себе имеет сложную структуру, это не сюрприз, но знакомство с упомянутым выше текстом или «Политикой шимпанзе» Франса де Вааля (Вааль, Кралечкин, 2014) ставит множество неудобных вопросов антропоцентристам, последним пристанищем которых остаются кафедры марксизма-ленинизма, скрывающиеся за множеством других имен. Однако «Биология добра и зла» не про нечеловеческих приматов, а прежде всего именно про нас — homo sapiens.

Номинально «научно-популярный» формат книги скорее не отражает всей сути ее содержания. Солнце «популярной» науки сейчас находится в зените. Однако научно-популярная литература неоднородна, потому как баланс между популярностью и научностью часто дает крен, которого сложно избежать. Вместе с этим расцветают и дискуссии о том, насколько популярная наука научна, и может ли она вообще быть таковой. Примитивизация, переход с «птичьего» научного языка, оказываются здесь скорее необходимостью для подобного жанра, нежели демонстрацией отсутствия профильной компетенции у автора. Однако сути проблемы это не меняет: популярная наука для читателя далеко не всегда оказывается предтечей серьезного научного интереса, но даже наоборот — схваченные «верха» еще более примитивизируются и догматизируются.

В группе повышенного риска находятся и нейронауки. Исчерпывающее и одновременно компактное объяснение нашего поведения на основании простого редукционизма оказывается востребовано читателем, и последний иногда получает свое. Ощущение того, что это именно подобный случай вызывает сам заголовок книги Сапольски в русском переводе — «Биология добра и зла: как наука объясняет наши поступки», однако в оригинале оно менее претенциозно — *The Biology of Humans at Our Best and Worst*. Подобный более агрессивный заголовок в русском переводе неудобно созвучен с книгой Сэма Харриса «Моральный ландшафт: как наука может формировать ценности

людей» (Харрис, Стороженко, 2015), где основной акцент был сделан на собственных спорных размышлениях автора, а не на науке. Хотя книга Харриса, касаясь формирования и рефлексии ценностей, поднимает проблему в большей мере философскую — независимо от позиции детерминизма в нашем мироздании.

Книги другого автора, снискавшего славу по всему миру — Франса де Вааля — выглядят куда более предпочтительной альтернативой Харрису, но при этом не являются альтернативой новой книге Сапольски. С одной стороны, книги де Вааля преимущественно предметны — мораль, сознание, эмоции у животных и прочее. С другой стороны, куда более «популярны» в именно хорошем смысле: легко читаемы и понятны. Сапольски же в «Биологии добра и зла» оказывается требователен к мозгу читателя, не особо щадя его в формировании синапсов.

В таком случае наиболее близким аналогом книги будет двухтомник «Эволюции человека» Александра Маркова (Марков, 2011). Авторы уделяют одинаковое внимание культурной антропологии, нейробиологии и даже мелким деталям — например, наследованию политических предпочтений. Однако у Сапольски читатель найдет больше информации о работе мозга во всей его полноте. Акценты расставлены сообразно профилю ученых: Марков, будучи палеонтологом, в книге «Обезьяны, кости и гены» больше пишет о палеоантропологии, Сапольски делает акцент на нейроэндокринологии. Читатель, конечно, может выбрать, что ему интереснее, при этом количество пересечений невелико, так что при заинтересованности читателя темой, книги отлично дополняют друг друга. Конечно, не каждый может выделить время для более чем тысячи страниц «для общей эрудиции» по общей специфической теме, поэтому стоит помнить, что Сапольски издал свою книгу на 6 лет позже. Это неизбежно освежает цитируемые источники в сверхдинамичных сферах научного знания, выступающих эмпирическим основанием книги. Если же какая-нибудь тема особенно заинтересует читателя, то существует огромное количество дополнительной литературы для более глубоко изучения того или иного вопроса.

Оба исследователя испытывают скепсис к вопросу свободы воли, хотя Сапольски к этому анализу относится куда более внимательно. Если религиозный скепсис вообще «большая» тема отечественных популяризаторов, то позиция Сапольски в книге куда более сбалансирована. Действительно присущий многим религиозным общинам парохиаальный альтруизм, в котором уплотнение внутригрупповых связей компенсируется внешнегрупповой агрессией, не исключает положительного

воспитательного и морального влияния религиозных институтов. Книга Сапольски очень осторожно обращается с гуманитарными науками и какой-либо скепсис по отношению к философии и к ее основным вопросам незаметен. Конечно, количество представленных исследований призвано продемонстрировать глубокую причинно-следственную связь нашего культурного поведения и биохимии. Однако вместо детерминистских выводов Сапольски ограничивается рассмотрением биологического основания поведения в рамках действующих знаний, а не будущими перспективами. Собственные же предположения автора носят более осторожный характер, что в совокупности призвано обозначить скорее то, что биология нашего поведения интересна и очень сложна. Выдвигаемые гипотезы сразу подвергаются критической рефлексии и проверяются на наличие дескриптивных альтернатив.

С самого начала становится ясно, что «Биология добра и зла» имеет скорее «научный» крен, нагружая неподготовленного читателя большим объемом концентрированной информации. Это нельзя назвать однозначным плюсом: если у читателя не было опыта знакомства с основами нейронаук, вероятнее всего, книга (особенно вначале) будет читаться медленно и возможно потребует повторного прочтения первых глав. Решив сделать акцент на объемном объяснении работы нашего мозга и биологии поведения, автор предлагает обзор, анализ и рефлексии внушительного количества экспериментов. Лейтмотивом книги является идея о том, что наука может объяснить в нашем поведении намного больше, чем нам обычно кажется, однако этого все равно недостаточно, чтобы объяснить все (и даже приблизиться к этому). Сапольски в большинстве случаев избегает выводов и описаний событий по модели прямой каузальности. Совокупность взаимодополняющих факторов говорит о том, что гены или медиаторы могут влиять на многое — но в перспективе того, что мы сейчас о них знаем, не предлагают исчерпывающего описания нашего поведения.

Книга состоит из 17 глав, первые 6 из которых являются своего рода введением в нейрофизиологию, нейроэндокринологию и их выражение в нашем поведении. Так или иначе, объяснение отдельных поведенческих механизмов, различных генетических предрасположенностей или анализ нейромедиаторного влияния встречается на протяжении всей книги, но в дальнейшем автор будет во многом ссылаться на то, что описывается вначале. Сапольски объясняет, за что отвечают отдельные участки нашего мозга и как координируются между собой. Так, мы узнаем, что префронтальная кора, ответственная за сложные

когнитивные схемы и планы, не только контролирует наше «рациональное» и тормозит наши иррациональные порывы, но и охотно и очень скрыто ведется у них на поводу. Несмотря на то, что идея не нова, доказательства того, что наши оценочные суждения о человеке могут определяться температурой стакана у нас в руке острее ставит вопрос о нашей агентности (Williams, Bargh, 2008). То же и с нашими миндалинами, возбуждающимися по принципу четырех «Б» — бойся, бейся, беги и бери самку — реагирующими, в частности, на представителей другого этноса и расы (Сапольски, Майгурова и Десятова, 2018: 32). Однако некоторые из подобных эволюционных механизмов не являются нашим проклятием, их влияние незначительно и преодолимо, что говорит о невозможности безусловного оправдания аморального поведения как следствия «нашей природы». С одной стороны, опухоли мозга, поражающие миндалевидное тело (тесно связанное с эмоциями, генерацией страха и тревожности), могут провоцировать неконтрольную агрессию в самых извращенных формах со стороны людей, не демонстрировавших отклоняющегося поведения ранее. С другой стороны, те же миндалины, реагирующие на единственную из двадцати фотографию представителя другой расы, показанных за секунду, перестают возбуждаться после опыта межрасовых отношений. Эмпатию же можно повысить снижением уровня стресса, который сам по себе является сложным комплексным фактором. В итоге, Сапольски приходит к выводу, что нашу природу нельзя определить ни как хорошую, ни как плохую, она может быть источником великого зла и великих добродетелей. Любопытно, но атеист Сапольски говорит то же самое о религии, что выделяет его из плеяды воинствующих атеистов-популяризаторов. Последнее, впрочем, может быть не более чем реверансом в адрес религиозного читателя.

Преимуществом книги является то, что автор уделяет значительное внимание развенчанию мифов о прямой каузальности в нашем поведении. Так, утверждает Сапольски, тестостерон не влечет агрессию сам по себе, он усиливает наличествующие склонности, алкоголь не снимает ответственности за плохое поведение нетрезвого человека, а фактор транскрипции рецептора серотонина не может предсказать наличие или отсутствие депрессии. На протяжении книги автором будет развенчано огромное количество подобных мифов о «простом» описании взаимодействия генов, среды, и якобы прямого влияния гормонов на поведение. К концу 8-ой главы Сапольски заключает, что экспрессия некоторых генов во многом определяется средой и вне ее контекст этого

влияния практически невозможно учитывать. Влияние среды оказывается колоссальным: от перинатального периода — до всего множества культурных факторов.

Сапольски демонстрирует, что наше привычно «культурное» поведение может иметь биологические корни. Так, мы можем наблюдать наследуемость политических предпочтений и отличие психологических портретов у либералов и консерваторов; более того, есть исследования, рассматривающие фактор генетической предрасположенности (Settle, Dawes & al., 2010). С чем это связано и на чем основано? Можно предположить, что консерваторам тяжелее даются постконвенциональные (по пирамиде Колберга) суждения, однако вывод о том, что они «глупее» оказывается безосновательным. Вероятнее им ближе некоторые из объединяющих основ морали вроде лояльности и уважения к авторитету, что может влечь за собой симпатии к авторитаризму. Наши механизмы политических предпочтений также, как и моральных, во многом связаны с естественной механикой отвращения, однако более любопытен факт естественного тяготения к конформизму. Ситуации неопределенности продуцируют большее количество дискомфорта и стресса у консерваторов (J. Block, J. H. Block, 2006). Впрочем, автор предупреждает читателя о том, что не все предлагаемые им к ознакомлению исследования имеют статус бесспорных и завершенных, по причине наличия нерепрезентативной выборки и уязвимой концептуализации полученных результатов.

К 17-ой главе исследования эволюции поведения постепенно переходят в анализ природы нашего морального мышления. Нейромедиаторный фактор достаточно часто упоминается, но перестает быть главным участником, оказываясь наравне с комплексными феноменами иерархии, эмпатии, просоциального и антисоциального поведения. Автор повторяет и подкрепляет интуицию Кропоткина о том, что люди склонны к просоциальному поведению, но внимательно следят, чтобы оно было взаимным. Однако заключить, что человек «по природе» добр, снова не удастся: окситоцин вместе с альтруизмом во благо группы усиливает агрессию к чужакам, но в конечном счете и тут все решает среда.

В заключении Сапольски вновь возвращается к одной из основных мыслей книги — все непросто. В нашем поведении, культуре и генах нет никакой приоритетной детерминирующей позиции. Все взаимосвязано, однако связи эти, несмотря на всю свою сложность, в большинстве своем все-таки поддаются научному анализу. Последний, в свою очередь, также не является истиной в последней инстанции, что не обесценивает

его, но лишь обязывает к собственной строгой критической рефлексии. Итоговая формула, по мнению Сапольски, такова: «Ни желания, одобренные морализаторским резонерством, ни очень сильная эмпатия не приводят в обязательном порядке к действительно трудным, участливым и смелым актам помощи» (Сапольски, Майгурова и Десятова, 2018: 518).

Однако в оппозиции, указанной в заглавии книги, Сапольски больше симпатизирует добру. Здесь его культурные симпатии подкреплены и личным опытом и собственными исследованиями. Изучение группы кенийских павианов, по всей видимости, оказалось для автора сильнейшим подкрепляющим впечатлением. В группе, наблюдаемой на протяжении многих лет, вспыхнула эпидемия туберкулеза, связанная с деятельностью людей в отеле неподалеку. Вследствие вспышки погибли наиболее агрессивные и наглые особи, не опасавшиеся людей. В итоге это привело к беспрецедентному явлению: самцы одного из самых агрессивных и турнирных видов приматов, начали заниматься грумингом — взаимным вычесыванием друг друга. Казалось бы, врожденная склонность к агрессии определяет социальное поведение, и неудивительно, что снижение стрессогенного фактора «конфликтности» вывело в лидирующие позиции более спокойных самцов с другим гормональным фоном. Но примечательно то, что вновь приходящие в группу павианы самцы также охотно подхватили эту традицию. Получается, Сапольски доказал своим наблюдением, что трансформация социальных условий может кардинально менять общую ситуацию даже у животных с вполне неиллюзорной возможностью нисходящей культурной преемственности «спокойного» паттерна общения среди самцов. Почему же людям не выстроить корректировку своего поведения на подобном знании? Однако сам Сапольски в целом дистанцируется от возможности построения деонтологических рекомендаций из доступного научного знания, но перспективу выстраивания моральных контрактов с оглядкой на нейронауки определенно приветствует. Несмотря на то, что автор достаточно скептически относится к идее свободы воли, симпатии детерминизму являются довольно ограниченными. С одной стороны, автор не отрицает теоретического детерминизма, но на практике последний оказывается неприменим по причине эмерджентности и ограниченности редукционистских моделей применительно к нейронаукам.

Приложение книги нас возвращает к началу. Нейробиология и эндокринология закрепляются в объемных приложениях в конце книги, отличаясь более энциклопедичным, но все же живым изложением, уже

не касающимся нейроэтики. Сапольски не особенно смягчает содержательность изложения, компенсируя это юмористическими вставками, вовлечением в диалог читателя и подробной экземплификацией.

В целом книга оставляет значительный простор для размышлений, предлагая вместо сформированной законченной позиции — отрефлексированное и сопоставленное целостное множество исследований и фактов о нашем мозге и поведении. Список литературы, едва не дошедший до тысячи пунктов, предлагает колоссальный выбор возможного продолжения исследования темы биологии поведения. Однако удачно оформленный специалистом порядок изложения эмерджентно рождает уровень восприятия, определенно отличный от суммарного знакомства с рядом источников по теме.

Работа не похожа на предыдущие, куда более простые книги самого автора в русском переводе, да и в целом из аналогов имеется только двухтомник «Эволюции человека» Маркова, все же отличающийся во многих деталях. Если у читателя достаточно времени и сил, то лучшей книги для понимания основ нейронаук и их включенности в наличные этические проблемы на русском языке подобрать трудно. Если же интересуется, к примеру, разница между «человеческой» и «животной» моралью то возможно стоит предпочесть де Ваала, понимая при этом, что ни одна из его книг в русском переводе не предлагает соразмерный «Биологии добра и зла» количественный показатель знаний и источников. Читателя разве что может огорчить то, что на вопрос «что такое биология добра и зла?» ответа он не найдет. Можно найти многое о биохимических основаниях привычно воспринимаемого нами как отрицательного или положительного, но на фундаментальные вопросы природы добра и зла Сапольски, конечно, ответа не дает. Да и вряд ли можно вменить ему это в вину, ведь, скорее всего, внимательный читатель, интересующийся литературой подобного профиля, уже пресытился «простыми» ответами в книгах подобных «Моральному ландшафту».

ЛИТЕРАТУРА

- Вааль Ф. де.* Политика у шимпанзе : власть и секс у приматов / пер. с англ. Д. Ю. Кралечкина. — М. : Высшая школа экономики, 2014.
- Марков А. В.* Эволюция человека. Ч. 2. Обезьяны, нейроны и душа. — М. : Corpus, 2011.
- Сапольски Р.* Политика у шимпанзе : власть и секс у приматов / пер. с англ. И. А. Майгуровой, М. Н. Десятовой. — М. : Альпина нон-фикшн, 2018.

- Sapolski R.* Биология добра и зла : как наука объясняет наши поступки / пер. с англ. Ю. Аболиной, Е. Наймарка. — М. : Альпина нон-фикшн, 2019.
- Harris S.* Моральный ландшафт : как наука может формировать ценности людей / пер. с англ. Д. Стороженко. — М. : Карьера-Пресс, 2015.
- Block J., Block J. H.* Nursery School Personality and Political Orientation Two Decades Later // *Journal of Research in Personality*. — 2006. — Vol. 40, no. 5. — P. 734–749.
- Settle J. E., Dawes C. T., Christakis N. A., Fowler J. H.* Friendships Moderate an Association Between a Dopamine Gene Variant and Political Ideology // *The Journal of Politics*. — 2010. — Vol. 72, no. 4. — P. 1189–1198.
- Williams L. E., Bargh J. A.* Experiencing Physical Warmth Promotes Interpersonal Warmth // *Science*. — 2008. — Vol. 322, no. 5901. — P. 606–607.

Chasovskikh, G. A. 2020. “‘Moral’nost” biologii povedeniya [‘Morality’ of Biology of Behavior]: retsenziya na knigu R. Sapol’ski o biologii dobra i zla [A Review of the Book ‘The Biology of Humans at Our Best and Worst’ by R. Sapolsky] [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* IV (1), 210–219.

GRIGORIY CHASOVSKIKH

LECTURER AT THE PIROGOV RUSSIAN NATIONAL RESEARCH MEDICAL UNIVERSITY (RNRMU), MOSCOW

“MORALITY” OF BIOLOGY OF BEHAVIOR

A REVIEW OF THE BOOK

“THE BIOLOGY OF HUMANS AT OUR BEST AND WORST” BY R. SAPOLSKY

SAPOL’SKI, R. [SAPOLSKY, R.] 2019. *BIOLOGIYA DOBRA I ZLA [BEHAVE]: KAK NAUKA OBYASNYAYET NASHI POSTUPKI [THE BIOLOGY OF HUMANS AT OUR BEST AND WORST]* [IN RUSSIAN]. TRANS. FROM THE ENGLISH BY YU. ABOLINA AND YE. NAYMARK. MOSKVA [MOSCOW]: AL’PINA NON-FIKSHN

DOI: 10.17323/2587-8719-2020-1-210-219.

REFERENCES

- Block, J., and J. H. Block. 2006. “Nursery School Personality and Political Orientation Two Decades Later.” *Journal of Research in Personality* 40 (5): 734–749.
- Kharris, S. [Harris, S.] 2015. *Moral’nyy landshaft [The Moral Landscape]: kak nauka mozhet formirovat’ tsennosti lyudey [How Science Can Determine Human Values]* [in Russian]. Trans. from the English by D. Storozhenko. Moskva [Moscow]: Kar’yera-Press.
- Markov, A. V. 2011. *Obez’yany, neyrony i dusha [Monkeys, Neurons and Soul]* [in Russian]. Bk. 2 of *Evolutsiya cheloveka [Human Evolution]*. Moskva [Moscow]: Corpus.
- Sapol’ski, R. [Sapolsky, R.] 2018. *Politika u shimpanze [A Primate’s Memoir]: vlast’ i seks u primatov [A Neuroscientist’s Unconventional Life among the Baboons]* [in Russian]. Trans. from the English by I. A. Maygurova and M. N. Desyatova. Moskva [Moscow]: Al’pina non-fikshn.

- . 2019. *Biologiya dobra i zla [Behave]: kak nauka ob'yasnyayet nashi postupki [The Biology of Humans at Our Best and Worst]* [in Russian]. Trans. from the English by Yu. Abolina and Ye. Naymark. Moskva [Moscow]: Al'pina non-fikshn.
- Settle, J. E., et al. 2010. "Friendships Moderate an Association Between a Dopamine Gene Variant and Political Ideology." *The Journal of Politics* 72 (4): 1189–1198.
- Vaal', F. de [Waal, F. de]. 2014. *Politika u shimpanze [Chimpanzee Politics]: vlast' i seks u primatov [Power and Sex among Apes]* [in Russian]. Trans. from the English by D. Yu. Kralechkin. Moskva [Moscow]: Vysshaya shkola ekonomiki.
- Williams, L. E., and J. A. Bargh. 2008. "Experiencing Physical Warmth Promotes Interpersonal Warmth." *Science* 322 (5901): 606–607.